

УДК 94(47+57):32

КОНФЛИКТОВАТЬ И КОНТРОЛИРОВАТЬ: К ИЗУЧЕНИЮ ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ОППОЗИЦИИ В РКП(Б) В 1923–1924 ГОДАХ¹

А. В. Резник

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
reznik@comparativestudies.ru

Рассматриваются политические практики оппозиционеров в ходе внутрипартийной борьбы в большевистской партии в 1923–1924 гг. Особое внимание уделяется тактикам конфликтного поведения оппозиционеров в центре и провинции перед лицом контрольных органов партии, судивших нарушителей «партийного права». Делается вывод о том, что, несмотря на негативное отношение к контрольным комиссиям, оппозиционеры апеллировали к ним и чаще всего добились пересмотра или смягчения наказаний. Тактический прагматизм оппозиционеров способствовал легитимации внутрипартийного режима.

Ключевые слова: история КПСС, конфликт, левая оппозиция, политическая история СССР, РКП(б), ЦКК.

История Российской коммунистической партии в своих переломных моментах была историей острых политических противоречий и конфликтов. Один из таких конфликтов возник в 1923 г. между сторонниками большинства ЦК (и «тройки» Политбюро ЦК – И. В. Сталина, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева) и недовольными его политикой во главе с Л. Д. Троцким, Е. А. Преображенским и Т. В. Сапроновым. Исход борьбы решался не только в «верхах» партии, но и в её «низах» – в форме общепартийной дискуссии о «внутрипартийной демократии» в печати и на собраниях с ноября 1923 г. по январь 1924 г. [РКП(б): Внутрипартийная борьба... 2004]. Разумеется, не случайно, что как для непосредственных участников, так и для историков тех событий основными понятиями служили «конфликт» и «борьба», а для советской историографии данной проблематики, служившей проводником взглядов партийного руководства, – понятие «борьба с троцкизмом» [Вяткин, 1966; Исторический опыт..., 1975; Шмелев, 1984; и др.].

Конфликт предстает и как передняя сцена, и как закулисы внутрипартийной борьбы. Он пронизывает политические практики и технологии, заявляя о себе в индивидуальных тактиках и коллективных стратегиях. Но именно потому, что конфликт как понятие столь успешно обобщает множество сложных политических процессов, он заслуживает более пристального, конкретно-исторического рассмотрения.

Социологи справедливо отделяют понятия «соперничество» и «конкуренция» (competition) от понятия «конфликт», определяемого как ситуация, в которой акторы реализуют «конфликтное поведение» в отношении друг друга для достижения противоположных, несовместимых целей. Такое их поведение понимается как любое поведение всех сторон конфликта, которое способствует достижению цели или выражению «враждебности» [Bartos, Wehr, 2002, p. 13, 22].

Современная историография внутрипартийной борьбы 1923–1924 гг. уделяет преимущественное внимание «громким» конфликтам из мира «большой политики» или партийной верхушки. Например, конфликту вокруг редакции «Правды» в декабре 1923 г., когда вследствие назначения помощника Сталина из редакции в знак протеста ушли сторонники Троцкого, или по поводу главы Политического управления Революционного военного совета республики В.А. Антонова-Овсеенко, которого фактически обвинили в использовании армии во «фракционных целях»². В. М. Кружинов, изучивший внутрипартийные конфликты на материалах Урала, справедливо поставил проблему «общественных “низов” в политическом конфликте» как «самостоятельную и одну из ведущих» [Кружинов, 2000, с. 5]. Однако его исследование в целом представляет собой панорамный обзор без достаточного внимания к механике конфликтов на уровне «низов»³. Возможность изучения «столкновения на нижних этажах власти», так называемых «склок» провинциальной номенклатуры, успешно представлена В. В. Шабалиным [Шабалин, 2013] и, в более широком контексте, Дж. А. Гетти [Getty, 2013]. С. Пирани, для которого направление «история низов» служило идеологиче-

ским ориентиром, уделил оппозиции 1923–1924 гг. сравнительно небольшое внимание, так как в целом она, по мнению британского историка, была оторвана от рабочего класса [Пирани, 2013, с. 304–335]. В соответствии с этим тезисом, во многом предзаданным, в тени остались рядовые оппозиционеры, в том числе из числа рабочих, и специфика их конфликтов. И. Халфин предпринял оригинальную попытку сократить разрыв в исследовании «верхов» и «низов» [Halfin, 2007]. Его новаторское исследование феномена «демонизации оппозиции», в котором анализируется политический язык дискуссий, при всех своих многочисленных достоинствах, имеет недостаток: оппозиционеры в нем рассматриваются как объект, а не субъект деятельности, которая предстает более «дискурсивной», чем «практической».

Несмотря на всю важность анализа дискурса, важно обратиться к конкретным политическим практикам, иначе говоря, изучить не только то, что *говорили* оппозиционеры, но и то, что и как они *делали* в рамках конфликтного поведения, т. е. какие «конфликтные действия» [Bartos, Wehr, 2002, р. 14] осуществляли в конкретных условиях. Выявление тактик конфликтного поведения оппозиционеров, их отношения к состоянию конфликта позволит пролить свет на политическую культуру большевиков, находящих по обе стороны баррикад, а также определить границы возможного в политическом пространстве 1923–1924 гг.

Оппозиционная «конфликтность» предстает наиболее наглядной, если ее рассматривать в связи с деятельностью контрольных комиссий партии (далее КК). Образование КК в сентябре 1920 г. явилось следствием стремительного увеличения социальных, политических и культурных противоречий внутри партии, разрешение которых стало задачей «не зависимо» от ЦК партии органа⁴. На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. эти конфликты нашли выражение в напряженной борьбе фракций, поглотившей всё внимание делегатов. Контрольная комиссия, хотя и получила к тому времени определение «Центральная», в целом не играла самостоятельной по отношению к ЦК политической роли, а, наоборот, поддерживала его. Не удивительно, что отдельные прения по докладу о работе молодой Контрольной комиссии абсолютным большинством было принято не открывать [Съезд 10-ый, 1963, с. 127]. Профиль нового органа был очерчен в опубликованном за день до начала съезда обращении: «Центральная контрольная комиссия, призванная содействовать единству партии, призывает всех членов партии сплотиться вокруг принятых огромным, подавляющим большинством резолюций, положить на деле конец оформленным группировкам, ликвидировать все личные счеты, недоразумения и столкновения...» [Там же, с. 839] В резолюции XI съезда о задачах и целях КК уже более четко обозначены практико-политические аспекты: «На контрольные комиссии ложится серьезная и важная задача – предупреждения и борьбы со склоками и группировками» [КПСС в резолюциях..., 1953, с. 638].

Первое время наряду с контрольными комиссиями продолжали существовать органы, имевшие корни еще в дореволюционном социалистическом движении: «партийные суды», «этические комиссии» и конфликтные подотделы при партийных комитетах. Но к концу 1921 г. все «конфликтные дела» были отнесены к компетенции КК [Краснов, 1973, с. 49]. Для разбора персональных дел коммунистов, имевших прежде всего политическое значение, в контрольных комиссиях была создана партийная коллегия (партколлегия).

Президиум Центральной контрольной комиссии осудил первые выступления Троцкого уже 15 октября. «Рабочая тройка» Президиума состояла из недругов оппозиционера – В. В. Куйбышева, Е. М. Ярославского и С. И. Гусева, и в целом абсолютное большинство членов ЦКК не поддерживали оппозицию [РКП(б)..., 2004, с. 178–180, 222]. Восьмого декабря 1923 г. председатель ЦКК Куйбышев был включен Зиновьевым, Каменевым и Сталиным в состав своей узкой фракционной группы. Таким образом, глава контролирующего органа являлся членом секретной фракции, а в числе пятидесяти ее рядовых членов, судя по всему, был всего один оппозиционер. Отношение оппозиционеров к ЦКК было противоречивым, но в целом скорее отрицательным, что в огромной степени определялось ее безоговорочной поддержкой «большинства ЦК»⁵. Троцкий, выступая на октябрьском пленуме ЦК, прямо заявил, что «тройка» превратила «ЦКК в орудие Секретариата ЦК в этой внутрипартийной борьбе» [РКП(б)..., 2004, с. 262]. Примечательно, однако, что призывы распустить контрольные комиссии раздавались нечасто, так как они, судя по всему, мыслились как простой придаток партийных комитетов, реформирование которых определялось как первостепенная задача. Как будет показано далее, попадание конфликта в сферу внимания КК, с одной стороны, свидетельствовало об объективной оценке его значимости, а с другой – являлось механизмом

его институционализации.

Рассмотрим те эпизоды внутривнутрипартийной борьбы, в которых наиболее полно отразилось конфликтное поведение оппозиционеров, за исключением «склок», имевших место в ходе внутривнутрипартийной борьбы (на наш взгляд, в Астраханской, Симбирской, Новгородской и некоторых сибирских губерниях, а также в Коми АССР и других республиках СССР). Важно отметить, что, хотя несогласные с «большинством ЦК» партийные работники могли увести за собой весомую часть партийных голосов, это не всегда говорило об их убежденности бороться до конца. Изучение внутривнутрипартийной борьбы в партийной организации Перми, где оппозиция получила чуть меньше 50% голосов, позволило подтвердить итоговое заключение секретаря окружкома о том, что она была «довольно ручной оппозицией» [Резник, 2011, с. 116].

Материалом для анализа послужили документы, отражавшие конфликтность на уровне «местных» парторганизаций, т.е. локализованных в районах или городах, соразмерных районам Москвы и Петрограда. Это преимущественно стенограммы и протоколы партийных заседаний, в большей степени протоколы губернских, республиканских и Центральной контрольных комиссий⁶.

Краснопресненский район Москвы, самый многочисленный и пролетарский по партийно-классовому составу и потому самый политически значимый, был самой горячей точкой внутривнутрипартийного противостояния. В советской историографии укоренилось мнение о том, что в этой парторганизации внутривнутрипартийная борьба была «особенно ожесточенной» [Исторический опыт борьбы КПСС..., 1975, с. 304]. Восьмого декабря 1923 г. там проходило совещание «партийного актива», т.е. членов комитета и авторитетных партийцев. Его участники могли прочесть в свежем номере газеты «Правда» статью И. Л. Шумской, в которой руководство райкома обвинялось в давлении на рядовых участников внутривнутрипартийных дискуссий⁷. Преображенский, делавший содоклад от оппозиции, искусно инструментализировал локальный конфликт для обоснования общей программы оппозиции: в нескольких предложениях он перешел от частных, описанных в статье Шумской, к необходимости изменения внутривнутрипартийного режима и, в частности, немедленного переизбрания виновных⁸. Он подчеркнул, что групповые организаторы, подчинявшиеся райкому, должны иметь право выражать свое личное мнение и никто, включая секретаря райкома, не имеет права этому препятствовать, так как партия «переходит к новой жизни». Высказывание привело к определенному успеху⁹. Образ врага «новой жизни» был персонализирован в носителе власти, секретаре райкома Г. Я. Беленьком, и такое противопоставление «низов» и «верхов» партии, безусловно, создавало конфликтность.

Не удивительно, что секретарь райкома, прежде чем предоставить слово другим ораторам, попытался, по собственным словам, «документально показать насколько ложно то, что изложено Шумской». Повинуясь логике эскалации конфликта, он дважды заявил, что передаст ее «дело» напрямую в ЦКК (минуя, таким образом, уровень московской комиссии). В ответ на просьбу Шумской дать ей слово, Беленький ответил, что она уже «высказалась в печати», чем вызвал «шум и крики протеста» в зале. Шумская получила слово лишь после того, как Карл Радек, член ЦК, известный своим остроумием, кратко обосновал ее право на это. Виновница конфликта не пошла на уступки и, перед тем как высказаться по существу, указала на «угрозы, обвинения и махание кулаков по адресу демократии на таком широком собрании из уст тов. Беленького...» Секретарь райкома еще раз настоял на том, что конфликт будет разрешаться «не здесь, а в другом месте», намекая на высший партийный суд¹⁰. Настойчивое упоминание ЦКК привлекло внимание других участников собрания. Первый же выступивший в прениях, Яков Дробнис, подписавший «Заявление сорока шести», основной коллективный документ оппозиции, вернулся к большому вопросу: «То, что написала тов. Шумская, не является праздной выдумкой. Можно, конечно, пугать тем, что передадут в ЦКК...» Хотя в подтверждение правоты Шумской оппозиционер привел пример дискуссии в собственной партийной организации, он не стал углублять конфликт и в отличие от Преображенского не называл конкретные имена¹¹. Дробнис перевел внимание с района на партию в целом, и последующие ораторы не уделяли много времени Шумской, хотя атмосфера собрания оставалась накаленной.

Иллюстрацией прагматизма лидеров оппозиции стал конфликт, возникший в тот же день на другом важном мероприятии – партийной конференции Замоскворецкого района. Как и на Красной Пресне, там оппозиция не добилась поддержки. После принятия собранием резолюции в поддержку ЦК, из зала раздался голос некоего Кутузова, потонувший в сильном шуме, помешавшем засте-

нографировать его слова. В тот же момент Преображенский заявил о несогласии с виновником конфликта¹². Этот случай был приведен на Пленуме ЦКК 13 января 1924 г. как пример «безответственных выступлений» оппозиционеров¹³, но по понятным причинам не был упомянут тот факт, что границы допустимого были обозначены одним из лидеров оппозиции.

Говоря о взаимоотношениях оппозиции и контрольных комиссий, необходимо отметить, что в 1923–1924 гг. «партийный суд» отнюдь не обязательно прибегал к наказанию оппозиционеров. Судя по всему, конфликт с Шумской не дошел до партийного суда. Важно и то, что контрольные органы наказывали сторонников большинства ЦК, если те были чересчур ретивы. Например, в отношении студента Института народного хозяйства С. И. Автономова 26 апреля 1924 г. МКК ограничилась предупреждением, «что при малейшей склоке он останется вне рядов партии», и запретом «занимать ответственные партийные должности сроком на один год». Подробности дела не известны, но такое решение было вызвано острым конфликтом, возникшим в парторганизации, где численно доминировали сторонники оппозиции. Судя по всему, Автономов обратился ЦКК, которая в ходе опроса установила: «Склока возникла в период партдискуссии в связи с его резкими выступлениями против оппозиционного большинства...» Ни политическая биография, ни тем более взгляды на дискуссионные вопросы 23-летнего коммуниста не могли вызывать нареканий, так что 15 сентября 1924 г. парттройка отменила постановление МКК и лишь указала «на нетактичность, допущенную им по отношению к парт. товарищам...» Преамбула постановления парттройки: «учитывая условия, создавшиеся в связи с партдискуссией в ячейке Института» – послужила фактическим оправданием его «резких выступлений»¹⁴.

Представляется, что члены контрольных органов были заняты внутривнутрипартийной борьбой в собственных парторганизациях вплоть до партийной конференции 16–18 января 1924 г., которая окончательно поддержала большинство ЦК. Возможно, единственным конфликтом, по которому ЦКК вынесла демонстративное решение в ходе продолжавшихся дебатов, было «дело» председателя Главвоенпрома СССР Г. С. Биткера. ЦКК сообщила о его исключении из партии в «Правде», отметив, что такое решение было принято еще 21 июня 1923 г., но по ходатайству ЦК его дело неоднократно пересматривали¹⁵. В одной из советских монографий были воспроизведены обвинения, сводившиеся к тому, что на пленуме МК 14 декабря он «потребовал распустить партаппарат» и «разогнать секретарей парторганизаций», а также разгласил на уездной конференции «целый ряд важнейших секретных документов» [*Московские большевики...*, 1969, с. 81]. Разумеется, подобные сведения требуют проверки, но Биткер, судя по всему, действительно давал поводы для критики в адрес оппозиции. «Биткер [был] ЦКК исключен из партии с достаточно веской мотивировкой... Я скромный провинциал, я не знаю, кто такой Биткер. Но неужели допустимо ставить его имя наряду с заслуженными и известными товарищами?» – вопрошал оппозиционер И. Я. Врачев на январской партконференции [Тринадцатая конференция..., 1924, с. 128]. Однако никто, кроме «провинциала», не обратился к делу Биткера. То, что за него не вступились, как за «заслуженного и известного товарища» Антонова-Овсеенко, означало, что нарушения «партийного права» были очевидны.

Вскоре после январской партконференции Московская контрольная комиссия интенсифицировала разбор дел, появившихся в ходе дискуссии. Партколлегия МКК собралась уже в период траура по Ленину, 24 января, но первое дело, связанное с прошедшей дискуссией, появилось в повестке дня 1 февраля. Это дело касалось конфликта в аппарате Центрального комитета. А. К. Ронис-Кантовский, большевик с 1915 г., бывший секретарь Шифровального бюро ЦК, подал заявление в МКК, в котором обвинял Л. З. Мехлиса, помощника секретаря ЦК Сталина «в бестактном поведении (удар в грудь и ругательство) при споре партийного общественного характера». Однако дело приняло неожиданный оборот: партколлегия решила, что «нетактичное нетоварищеское отношение было допущено со стороны обоих, что и поставить [им] на вид. Утверждения т. Рониса о неправильном голосовании кандидатуры т. Невского и поведении Президиума собрания считать голословным и указать т. Ронису на его не партийное, а обывательское отношение к вопросу»¹⁶. В протоколе не разъясняется, о каком собрании шла речь, но «неправильное голосование» (распространенная форма конфликта, связанная с подсчетом голосов и т.п.) касалось В. И. Невского, в прошлом активного сторонника «Рабочей оппозиции». Не повлияло ли на столь неоднозначное решение партийное суда то, что конфликт имел политический характер¹⁷?

Следующий конфликт, рассмотренный партколlegией, был связан с А.В. Косаревым, будущим генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. Во время выборов членов МК комсомола Косарев зая-

вил: «...позор Бауманской организации, которая выставляет такого кандидата». Как было отмечено в протоколе, он не имел для этого «никакого основания», за что партколлегия поставила ему «на вид его легкомысленный поступок...»¹⁸. Обращения оппозиционеров в партийный суд по конкретным конфликтам носили единичный характер. Лидеры же оппозиции предпочитали коллективные заявления по спорным политическим вопросам в ЦК, направляя их в ЦКК в копии.

Вскоре в повестках заседаний партийных судов все чаще оказывались дела оппозиционеров. Некоторые из них были относительно хорошо детализированы, что позволяет более пристально рассмотреть аспекты конфликтности.

Седьмого марта 1924 г. пленум партколлегии МКК заслушал «Дело тов. Мартынова и тов. Казарьянц». Двадцатитрехлетний Дмитрий Иванович Мартынов вступил в партию в 1919 г., по профессии он был школьный работник, являлся слушателем Высших курсов НКПС. Людвиг Соломонович Казарьянц, на год старше Мартынова и его «партийный» ровесник, бывший «подмастерьем парикмахерского дела», обучался на рабфаке тех же курсов. Молодые коммунисты обвинялись в том, что нанесли И. И. Ходоровскому «необоснованное оскорбление, указав ему в письменной форме на его “политическую непорядочность”, выразившуюся в напечатании статьи “На дискуссии” (Правда от 18-го декабря 1923 года...), где тов. Ходоровский делится впечатлениями о собрании ячейки высших курсов НКПС». Второе обвинение базировалось на том, что на «общем собрании той же ячейки названные т.т. своими выступлениями дали слушателям самое... превратное представление о подлинной сущности нашей хозяйственной политики и путях внутрипартийного строительства, высказав мысль и настроения, нетерпимые в рядах партии»¹⁹. Далее в протоколе по пунктам и с цитатами пересказывалось содержание крамольной речи Мартынова²⁰. Одно из суждений звучало особенно вызывающе даже для радикальных оппозиционеров: «принципом рабочей демократии» должно было стать «наше (партийные массы) дело постановлять, а дело ЦК исполнять и поменьше рассуждать». По мнению одного из его товарищей по ячейке, Мартынов «органически неприемлет НЭПа» (!). Основанием для обвинения Казарьянца послужило относительно безобидное высказывание: «Рабочий класс не верит нашей партии»²¹.

Оба оппозиционера утверждали, что Ходоровский «искажил» смысл их выступления с помощью избирательного цитирования. Но уже перед партколлекгией Казарьянц заявил, что «он выступал как умел» и «допустил неудачные выражения, недопустимость которых он признает». Мартынов же «ошибочности своих взглядов» не признал. Тогда Казарьянц в ответ на вопрос партколлегии сказал, что «он еще на дискуссии указал тов. Мартынову на резкость и недопустимость его выступления, а теперь после дискуссии считает подобного рода выступления не соответствующими линии РКП»²². «Партийный суд» прямо указывал на необходимость следовать новой политической линии, предполагавшей осуждение былой оппозиционности. Поэтому партколлегия МКК, учтя «полное признание» Казарьянцем своих ошибок, усмотрела в его выступлении «мелкобуржуазный уклон» лишь «отчасти» и ограничилась «указанием не недостаточную его выдержанность». Мартынову же «за невыдержанность, ошибочность его взглядов и тенденциозность в выступлениях» объявили «строгий выговор с предупреждением, что повторный случай поставит его вне партии». Партколлегия приняла это решение, учитывая молодость и прошлые «революционные заслуги» («пребывание на фронтах») студентов²³.

Примечательно, что Мартынов не признал ошибочности своих несомненно оппозиционных взглядов, хотя к 7 марта уже было очевидна бессмысленность противостояния²⁴. Для случая такого упорства в конфликтном поведении «строгий выговор с предупреждением» являлся мягким наказанием. Возможно, его можно объяснить тем, что ни Ходоровскому (отвечавшему за начавшуюся «чистку» студенчества), ни МКК не было выгодно превращать студента-оппозиционера в героическую жертву. Тем более, что с большой долей вероятности можно предположить смягчение наказания ЦКК.

В отличие от Москвы, в Петрограде лишь 3,6% членов парторганизации поддержали оппозицию. Однако она имела успех у партийной интеллигенции, в особенности учащейся: в институтах народного хозяйства, медицинском, лесном, рабфаке Петроградского государственного университета и особенно в Государственном институте медицинских знаний [Иванов, 1973, с. 54]. Уже 3 января 1924 г. пленум губернской КК отметил, исходя из доклада ее секретаря, «фракционно-дезорганизаторские выступления целого ряда лиц...»²⁵.

Определенный заказ на расследование дел поступил 16 января от участников пленума Петро-

градского райкома²⁶. Но ГКК всерьез взялась за оппозиционеров лишь 11 апреля. В этот день состоялось пленарное заседание, что подчеркивало значимость стоявшего в повестке дня дела. В протоколе присутствует емкая формулировка: «Дело т. Степанова, по заявлению т.т. Харечко, Виктора, Александрова и Устинчика. Степанов указывает, что руководителем группы оппозиционеров был Харечко и активно принимали участие Александров и др., а теперь они, спасая свою шкуру перед чисткой, сваливают все на него, Степанова»²⁷. Особенностью этого «дела т. Степанова» стало то, что перед партийным судом предстали оппозиционеры, переживавшие острый конфликт внутри своей группы.

Главные фигуранты дела – Николай Иванович Степанов, 1901 года рождения, рабочий-рабфаковец Петроградского (с марта 1924 г. – Ленинградского) государственного университета, заведующий библиотекой Василеостровского райкома, и Тарас Иванович Хоречко (Харечко), заведующий рабфаком того же университета²⁸. По каким-то причинам в документах ГКК не упоминалось, что подпись Хоречко стояла под «Заявлением сорока шести». Можно предположить с высокой долей уверенности, что он общался с оппозиционерами в Москве. Член партии с 1914 г., Хоречко имел весомые заслуги: достаточно сказать, что до октября 1922 г. он был членом организационного бюро ЦК КП(б) Украины [РКП(б)..., 2004, с. 184, 445]. В целях политического «умиротворения» он, как и большинство крупных членов фракции «Демократический централизм», был «переброшен» в РСФСР, хотя в отличие от товарищей оказался не в Москве, а в Петрограде.

По документам ГКК дело предстает неоднозначным и запутанным, но общая канва событий была следующей. Хоречко являлся лидером оппозиции в подчиненном ему рабфаке университета, где собрал вокруг себя группу единомышленников, в которую со временем вошел и Степанов. Они активно выступали на дискуссионных собраниях и распространяли «совершенно секретные документы ЦК». После решений XIII партконференции рабфаковцы-оппозиционеры «продолжали вести свою работу, но уже в секретном порядке». В середине февраля Хоречко «решил покончить со Степановым, подав на него заявление в ГКК», потому что поведение Степанова могло привести к провалу всей группы²⁹. Таким образом, конфликт являлся многогранным: с одной стороны, оппозиционеры выдали своего бывшего товарища политическим оппонентам, с другой стороны, они же и осудили нарушителя основ «партийного права». Напрашивается предположение, что Хоречко не был готов идти на риск ради сохранения конспиративности своей группы. Однако вскоре Степанов подал заявление, которое дало основания исключить из партии самого Хоречко³⁰. Дело начало принимать скандальный оборот: Хоречко отказался сдать партийный билет до ответа на его апелляцию к ЦКК. Комментируя содержание этой апелляции в письме в ЦКК, секретарь ГКК подчеркнул, что та «содержит недвусмысленный намек на то, что антипартийные действия Степанова являются провокацией по отношению к нему с чьей-то стороны, в руках коих находится Степанов»³¹. По причинам, которые требуют отдельного изучения, несмотря на обвинение в «провокации», которое не могло не возмутить ленинградцев, ЦКК восстановила Хоречко в партии уже в июне 1924 г. [Скоркин, 2011, с. 732].

В то же время ЦКК все более погружалась в разбор «оппозиционных» дел из других регионов, большинство которых были апелляционными. Важно отметить, что в марте 1924 г. ЦКК разослала циркуляр с грифом «Совершенно секретно», содержащий требование внимательного отношения к коммунистам, которым грозит исключение из партии. В частности, указывалось, что те товарищи, которые не могли присутствовать при разборе дела и были недовольны решением, вправе требовать повторного рассмотрения дела в их присутствии³².

Десятого апреля 1924 г. в повестке заседания парттройки партколлегии ЦКК стояли дела оппозиционеров Симбирска³³. Еще в отчете XI съезду РКП(б) в 1922 г. ЦКК отметила симбирскую парторганизацию в числе тех восьми, в которых «групповая борьба проявилась с наибольшей остротой» [Краснов, 1973, с. 50]. Несколько «склочников» были исключены из губкома, но взамен пришли не менее «проблематичные» большевики из Тулы. Один из них, крупный партработник П. П. Теплов, до февраля 1924 г. занимавший должность председателя симбирского губисполкома, предложил на рассмотрение сразу два вопроса. Во-первых, он был «снят совместно с Орловым из Симбирской организации Губкомом и ГКК в связи с оппозиционной платформой в дискуссии, как разлагающий организацию», поэтому в отношении последнего определения Теплов, видимо, и просил «отменить формулировку постановления». Во-вторых, ему была «поставлена на вид 23/ХІІ-23 г. Симбирской ГКК неискренность, проявленная при разборе его заявления о распространении слу-

хов, будто он не рабочий, и выразившаяся в старании оговорить т. Логайновича», в связи с чем Теплов апеллировал к ЦКК, которая и отменила постановление губернской КК. Неприятная формулировка о «разложении» также была признана «неправильной» и была «отменена полностью». При этом «тройка» посчитала снятие с должностей «целесообразной мерой в целях разрядки создавшейся в организации нездоровой атмосферы»³⁴. Судя по всему, Теплов не протестовал против этого решения, так как был переброшен из провинции в Москву, где получил должность главы правления треста «Русские самоцветы» [Скоркин, 2011, с. 718].

Гораздо более строго парттройка обошлась с Р. М. Азарх, которая как в партстаже, так и в социальном происхождении уступала Теплову. Интеллигентка, участница революционного движения с 1914 г., большевичка с марта 1917 г., Азарх была редактором симбирской газеты «Пролетарский путь». Азарх, как и Теплов, имела определенную историю конфликтного поведения. Протокол гласил: «Обвиняется в самохвальстве в изданной ею брошюре воспоминаний, участии в склоке в Симбирской организации и занятии ответственной должности после того, как ей 20/III-23 г. был объявлен ЦКК строгий выговор со снятием с ответственной работы за участие в склоке в Тульской организации. Пленумом П[парт]К[оллегии] ЦКК от 25/1-24 г. предложено рассмотреть вопрос о её партположении». Список обвинений выглядел довольно внушительным, и над молодой коммунисткой нависла угроза исключения из партии. Судя по всему, в ее защиту высказался Теплов, и парттройка ограничилась объявлением «строгого выговора с предупреждением за самохвальство и некоммунистические поступки» и снятием «с ответственной должности на 3 года»³⁵. Парттройка объявила «выговор за партневыдержанность» и Ф. Ксенофонтову, 19-летнему студенту Коммунистического университета, который, приехав на рождественские каникулы в Симбирск, в ходе партдискуссии «допустил ряд бестактных выпадов против отдельных товарищей из местной организации»³⁶. Парттройка разбирали «симбирские» дела и позже. Примечательно, что в тех случаях, когда формулировки обвинений не касались конфликтного поведения, парттройка могла полностью оправдать оппозиционера. Как показывает один случай, даже «эсеровское» прошлое обвиняемого в купе со скромными партстажем и заслугами не являлисьотягчающим обстоятельством³⁷.

Наоборот, открытые акты конфликтной деятельности могли привести к исключению из партии. Так, Уральской областной КК был исключен из партии как «чуждый элемент» Прокопий Иванович Гаевский. Любопытно, что в числе обвинений было неподчинение откомандированию в ЦК в ноябре 1923 г.³⁸ Апелляция Гаевского к ЦКК не была удовлетворена, поскольку согласно протоколу все, кроме социального происхождения, было против исключенного. До вступления в партию большевиков в 1917 г. Гаевский был меньшевиком. Находясь на должности зампреда Челябинского окружного исполкома, он в январе 1924 г. опубликовал в местной газете статьи «Аппаратчики за работой» и «Перевертни», одни названия которых передают их обличительный пафос³⁹. В Челябинске оппозиция имела большинство, но при активной помощи членов Уралбюро ЦК и ЦК РКП(б) она начала терять сторонников. Это и вызвало реакцию Гаевского, назвавшего вчерашних единомышленников «перевертнями» [Кружинов, 2000, с. 151–155]. Как и Хоречко, Гаевский был восстановлен в партии в том же году, переброшен на работу в Москву, где затем продолжил активную оппозиционную работу [Скоркин, 2011, с. 552].

Ленинград, несмотря на скромную поддержку оппозиции, стал наряду с Москвой, Одессой и Пензой объектом второй после 1921 г. «чистки». Задуманная Оргбюро ЦК 20 марта и руководимая ЦКК как «проверка непролетарского состава» партии, т.е. ячеек студентов и служащих, она не должна была стать политической расправой над оппозиционерами, представители которой высказывались о необходимости «чистки» в ходе внутрипартийной борьбы. После рассмотрения апеллий было исключено из партии 5763 человека, или 2,6 % от проверенных [РКП(б)..., 1964, с. 841]. Однако на XIII съезде РКП(б), проходившем 24-31 марта 1924 г., Преображенский заявил, что «чистка» направлялась в «отношении организаций, которые в огромном большинстве как раз выносили оппозиционные резолюции». Бывших оппозиционеров, утверждал их недавний лидер, формально исключали «не за то, в чем они действительно виновны». Хотя Преображенский прямо не обвинял в этом руководство ЦК и ЦКК, он получил резкую отповедь [РКП(б)..., 1964, с. 193, 197–198, 223, 233–234 и др.]. Слабой стороной его выступления было отсутствие конкретных фактов. Троцкий вообще не затронул вопроса о «чистке» ни на съезде, ни после него. Более того, он счел необходимым устранить любые намеки на конфликт, направив в редакционную комиссию съезда просьбу исправить «очевидное недоразумение» в отчете, согласно которому во время заключи-

тельной речи Зиновьева раздавались «какие-то протесты Троцкого с места»⁴⁰. Лишь в сентябре 1924 г. он потребовал справедливого решения в отношении «дела» его личного секретаря М. С. Глазмана, покончившего жизнь самоубийством после несправедливого исключения из партии [*Атмосфера...*», 2008, с. 161–163]. Но, если судить по документам проверочных и контрольных комиссий, этот случай был уникальным. Большинство исключенных восстанавливали в партии, а в отношении Шумской, которой угрожал партийным судом секретарь райкома, ограничились полудидактельским предложением «пройти марксистский кружок»⁴¹.

Анализ поведения оппозиционеров в ситуации конфликта позволяет сделать вывод о том, что оппозиция была гетерогенна по составу, в частности, по степени радикализма. Большинство конфликтов, в которых участвовали оппозиционеры или которые инициировали, являлись по терминологии социолога Льюиса Козера «реалистическими»: они возникали не как эмоциональные импульсы и желание «разрядки», но как средства достижения определенного результата [*Козер*, 2000, с. 71]. Конфликтные действия оппозиционеров имели границы: во время внутрипартийной дискуссии ареной для них служили партийные собрания, а после нее – заседания контрольных комиссий. Как показало «дело рабфаковцев», оппозиционеры, даже несмотря на свою «фракционность», чтли основные устои партийного права – и в соответствии с ними апеллировали в контрольные органы. «Партийный суд», несмотря на его политическую поддержку ЦК РКП(б), в условиях борьбы с оппозицией мог осуществлять посредническую функцию⁴².

Решение об окончательном исключении из партии принималось в редких случаях. Оппозиционеры могли быть осуждены контрольными комиссиями, но у них почти всегда оставался шанс на оправдание или смягчения приговора со стороны Центральной контрольной комиссии. Решение верховного «партийного суда» зависело не столько от степени оппозиционности, сколько от прагматизма в исправлении конфликтного поведения. Большинство заслуженных революционеров имели право на реабилитацию, полную или частичную, при условии формального признания ими правоты большинства партии. ЦКК положительно отвечало на апелляции исключенных, укрепляя «мир» внутри партии и повышая авторитет центральных партийных органов. Стороны были способны пойти на компромисс, особенно когда это касалось персональных дел. Несмотря на то что в отдельных случаях интегративная функция протеста не срабатывала, ситуация после дискуссии в большинстве партийных ячеек была спокойной. Мало кто хотел выглядеть противником «единства партии», под лозунгом которого происходил разгром оппозиции. Если принимать во внимание скорое возобновление политической борьбы, то для большинства оппозиционеров формальное признание поражения перед лицом «партийного суда» было прагматичным шагом. Но прохождение ими всех ритуалов и процедур обеспечило легитимность и значимость контрольных комиссий, а также легитимность внутрипартийного режима.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда «Открытое общество». Вопросы и комментарии участников конференции «Проекты модерности: конструируя “советское” в европейской перспективе» (24–26 июня 2013 г., Пермь) позволили существенно улучшить доклад. Автор благодарен Б. И. Колоницкому, Г. А. Янковской и Е. А. Жданковой.

² Э. Х. Карр в своем исследовании, остающемся актуальным и по сей день, коснулся этих конфликтов [Carroll, 1954, p. 326–327, 329–330, 332, 337]. Из современных исследователей о «конфликте Секретариата с ПУРом» см. [Павлюченков, 2008, с. 314–325].

³ Характерна следующая формулировка автора: «Государство на крутом историческом вираже – таков, по сути дела, предмет исследования в данной книге» [*Кружинов*, 2000, с. 4].

⁴ Созданию Контрольной комиссии был посвящен лишь один из небольших пунктов резолюции «Об очередных задачах партийного строительства», принятой IX конференцией РКП(б) 22–25 сентября 1920 г. [*КПСС в резолюциях...*, 1953, с. 511–512]. Вскоре на X съезде А. А. Солыц в своем докладе о деятельности КК признался, что участникам конференции не были ясны задачи нового органа партии. Тем не менее за несколько месяцев она рассмотрела около 200 дел [*Съезд 10-ый*, 1963, с. 57].

⁵ Член ЦКК и МК Е. О. Бумажный, отдельно выделивший вопрос о негативном отношении оппозиционеров к ЦКК, стел нужным рассказать, как Преображенский раскритиковал статью Ярославского в служебной столовой [*Стенографический отчет ...*, 1924, с. 65–66].

⁶ Районные КК в 1923–1924 гг. находились в процессе становления и, как можно предположить, исходя из просмотренных документов Петрограда-Ленинграда и Екатеринбург-Свердловска, не рассматривали «оппозиционные» дела.

- ⁷ Шумская И. К вопросу о задачах партии // Правда. 1923. 8 дек. В том же номере была опубликована программная статья Сапронова «В чем заключается очередная задача партии?»
- ⁸ Стенограмма совещаний актива Краснопресненского райкома РКП(б) 8 декабря 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 69-П. Оп. 1. Д. 138. Л. 21–22.
- ⁹ Преисполненное пафоса завершение речи о наступающих изменениях вызвало бурное одобрение аудитории: «...и не дадим никому запугивать партию (Аплодисменты шумные и продолжительные)» (Там же. Л. 22).
- ¹⁰ Там же. Л. 23, 24. На другом собрании, состоявшемся в те же дни, Сапронов утверждал, что Беленький обещал «вытащить» против него «материал» (Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б). Январь 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 40. Л. 25).
- ¹¹ Там же. Л. 25. Впрочем, выступивший позднее Цветков подробно остановился на критике фракционных оппозиционеров на собрании этой ячейки (Типографии № 16) (Там же. Л. 31).
- ¹² Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 33. Л. 1–138.
- ¹³ «Он заявил на Замоскворецкой конференции намеками, что будто бы тов. Троцкий сидит в ЦК взаперти, физически отстранен, – а после того, как его заставили поправиться, он дал поправку такими недомолвками, что все-таки было понятно, что он будто бы отстранен» [*Стенографический отчет...*, 1924, с. 164]. Кутузов в итоге предстал перед контрольными органами партии.
- ¹⁴ Протокол № 110 заседания парттройки Центральной проверочной комиссии при партколлегии ЦКК от 15 сентября 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 6. Л. 45.
- ¹⁵ Постановление президиума ЦКК РКП о Г. С. Биткере // Правда. 1924. 13 янв.
- ¹⁶ Протокол № 1 заседания партколлегии МКК от 1 февраля 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.
- ¹⁷ ЦКК вскоре подтвердило постановление (Протокол № 164 заседания парттройки партколлегии ЦКК РКП(б) 8 апреля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 19. Л. 73).
- ¹⁸ Протокол № 17 заседания партколлегии МКК от 7-го февраля 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Оп. 1. Д. 24. Л. 18.
- ¹⁹ Протокол № 39/а заседания пленума партколлегии МКК 7 марта 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Оп. 1. Д. 24. Л. 53.
- ²⁰ Неправильность линии ЦК в экономике привела к «капитуляции государства перед частным капиталом», «ЦК привел партию к отрыву от рабочего класса и к ослаблению революционности внутри самой партии», «партию, которую ЦК загнал в подполье и держит там уже два года, не могут удовлетворить тезисы, по существу не изменившие положение в партии...» В протоколе было отмечено как «буквальное выражение тов. Мартынова»: «Партия находится в таком состоянии, что вряд ли годна на что-либо путное». Также, судя по всему, даны две цитаты из его речи: партия, по мнению Мартынова, состояла из «40.000 членов с молотками и 400.000 с портфелями» (Там же).
- ²¹ Там же. Л. 53–54.
- ²² Там же. Л. 54.
- ²³ Там же.
- ²⁴ В 1927 г. Мартынов был исключен из партии (Список исключённых за фракционно-раскольническую деятельность МКК за период с 15 ноября 1927 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Ф. 2867. Оп. 1. Д. 111. Л. 34).
- ²⁵ Протокол № 11 заседания пленума Петроградской губернской контрольной комиссии РКП от 3-го января 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 5377. Л. 1.
- ²⁶ Пленум «предложил контрольной комиссии проверить факты шантажа, проводимого со стороны работников районного комитета партии, в случае же выяснения необоснованности обвинений тов. Гойгель привлечь его к партийной ответственности за безответственное и демагогическое выступление» (Выдержка из резолюции протокола заседания пленума Петроградского райкома от 16 января 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5378. Л. 11). Однако в протоколах заседаний ГКК, отложившихся в архивах, фамилия Гойгель не фигурировала.
- ²⁷ Протокол № 51 заседания пленума Ленинградской ГКК от 11 апреля 1924 // ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 137. Л. 100. Заявления фигурантов дела обнаружены не были.
- ²⁸ Краткие биографические справки об обоих см.: Протокол № 58 заседания пленума Ленинградской ГКК от 7 мая 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 137. Л. 127. Кроме того, согласно биографическим данным до 1924 г. Харечко был заведующим отделом печати Северо-Западной области [*Скоркин*, 2011, с. 732].
- ²⁹ Протокол гласил: «Степанов оказался наиболее активным, твердым и настойчивым. Для привлечения к работе оппозиции сторонников он пошел на то, что уверил т.т. о связи его с РКК и ГКК, указывая, что и там есть сторонники оппозиции. С этой целью он сочинил бумажку и выдал ее за полученные им якобы из ГКК материал дела на тов. Харечко. Кроме того, он предлагал переиздать брошюру тов. Троцкого “Новый курс” с дополнениями и заменой некоторых мест для большего усиления и вообще вел себя весьма невоздержанно. Это показалось опасным для Харечко, так как могло повести к провалу и привлечению их всех» (Протокол № 58 заседания пленума Ленинградской ГКК от 7 мая 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 137. Л. 127об.).

- ³⁰ Там же.
- ³¹ Письмо секретаря Ленинградской ГKK Клинова в ЦКК [без даты] // Там же. Л. 129.
- ³² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 424. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.
- ³³ Об общей ситуации в этой парторганизации см. [Люттов, 2004].
- ³⁴ Протокол №165 заседания парттройки партколлегии ЦКК РКП(б) от 10 апреля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 19. Л. 76.
- ³⁵ Примечательно, что отдельно было «поставлено на вид» Симбирскому ГК за нарушение упомянутого постановления ЦКК (Протокол №165 заседания парттройки партколлегии ЦКК РКП(б) от 10 апреля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 19. Л. 77).
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Случай И. И. Куликова, 1900 г.р., по происхождению крестьянина, члена ПСР с мая по сентябрь 1917 г. (Протокол № 98 заседания парттройки Центральной проверочной комиссии при партколлегии ЦКК от 28 августа 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 773. Л. 21–22).
- ³⁸ Протокол №7 заседания партколлегии Уральской ОбКК 14 февраля 1924 г. // ЦДООСО.Ф. 424. Оп. 1 Д. 3. Л. 11–12.
- ³⁹ Протокол № 170 заседания парттройки партколлегии ЦКК РКП(б) от 17 апреля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 19. Л. 103.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 51. Л. 115. Троцкий утверждал, что во время выступления Зиновьева его не было в зале.
- ⁴¹ Протокол комиссии по проверке личного состава членов и кандидатов РКП ячейки Профинтерна 25.11.1924 // ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Оп. 3. Д. 212. Л. 236.
- ⁴² «Основная функция посредника», согласно Л. А. Козеру, состоит «в освобождении конфликтной ситуации от нереалистических элементов агрессивности с тем, чтобы позволить противникам реалистически подойти к рассмотрению выдвигаемых ими конфликтных требований» [Козер, 2000, с. 85].

Библиографический список

- Bartos O. J., Wehr P. E.* Using Conflict Theory. Cambridge, 2002.
- Carr E. H.* The Interregnum: 1923–1924. London, 1954.
- Getty J. A.* Practicing Stalinism: Bolsheviks, boyars, and the persistence of tradition. New Haven, 2013.
- Halfin I.* Intimate Enemies □: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, 2007.
- «Атмосфера, создававшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». Чистка в РКП(б) 1924 года // Ист. архив. 2008. № 2.
- Вяткин А. Я.* Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп. Ч. 1 (ноябрь 1920–1925 гг.). Л., 1966.
- Иванов В. М.* Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма (1921–1929 гг.) Л., 1973.
- Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма. М., 1975.
- Козер Л. А.* Функции социального конфликта. М., 2000.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953. 7-е изд. М., 1953.
- Краснов А. В.* ЦКК–РКИ в борьбе за социализм (1921–1934 гг.). Иркутск, 1973.
- Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000.
- Люттов Л. Н.* Партия правящей бюрократии в начале нэпа. Провинция (Симбирская губернская организация РКП(б) в 1921–1923 гг.). Ульяновск, 2004.
- Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом. 1921–1929 гг. М., 1969.
- Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.
- Пиранни С.* Русская революция в отступлении. М., 2013.
- Резник А. В.* Оппозиция 1923 года в РКП(б) по материалам Перми // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 2 (16).
- РКП(б). Съезд XIII-й. Москва. 1924: стеногр. отчет. М., 1964.
- РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: док. и матер. 1923. М., 2004.
- Скоркин К. В.* Обречены проиграть: власть и оппозиция, 1922–1934. М., 2011.
- Стенографический отчет Пленума ЦКК РКП(б) 28–30 марта 1924 г. М., 1924.
- Съезд 10-ый. РКП(б): стеногр. отчет. М., 1963.
- Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков): бюл. М., 1924.
- Шабалин В. В.* «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е гг. // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. № 2 (22). С. 159–166.
- Шмелев А. И.* Исторический опыт борьбы ленинской партии против троцкизма за построение социализма в СССР (1923–1927 гг.) Л., 1984.

Дата поступления рукописи в редакцию 12.03.2014

TO CONFLICT AND TO CONTROL: STUDY OF PRACTICES OF THE OPPOSITION'S POLITICAL STRUGGLE IN THE RCP(b) IN 1923-1924

A. V. Reznik

Perm State University, Bukireva str., 15, 614990, Perm, Russia
reznik@comparativestudies.ru

The author reexamines political practices of the oppositionists in the period of 1923-1924 intraparty struggle in the Bolshevik party, known in the historiography as the "struggle for Lenin's mantle", between the leftists led by Trotsky and the Stalin-Zinoviev faction. Special attention is paid to the oppositionists' tactics in the party conflicts during public debates and shortly after the opposition failed to succeed. The author focuses on the party control commissions' activities and the "conflict behavior" of the oppositionists. The commissions established in 1920 for guarding the party's political "unity" gave strong political support for the majority's faction and became one of the most important instruments of anti-oppositionist politics. Despite negative attitude toward those semi-judicial political institutions, the oppositionists appealed toward them and toward the Central Control Commission first of all in order to obtain reexamination or commutation of "unfair" decisions of the local party courts. Oppositionists' tactical pragmatism, however, led to legitimization and strengthening of not only the "party courts", but the Control Commission's politics and intraparty regime in general. A combination of political heterogeneity of the opposition and "soft line" of the control commissions produced an informal truce, nonetheless unprofitable for the following intraparty oppositionists.

Key words: history of the CPSU, conflict, the Left Opposition, political history of the USSR, CCC, RCP(b).

References

- «Atmosfera, sozdavshayasya za poslednee vremya v partii, chrezvychaiino tyagostnaya». Chistka v RKP(b) 1924 goda // Istoricheskiy arkhiv. 2008. № 2. S. 130–176.
- Bartos O. J., Wehr P. E. Using Conflict Theory. Cambridge, 2002.
- Carr E. H. The Interregnum: 1923-1924. London, 1954.
- Getty J. A. Practicing Stalinism: Bolsheviks, boyars, and the persistence of tradition. New Haven, 2013.
- Halfin I. Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918-1928. Pittsburgh, 2007.
- Istoricheskiy opyt bor'by KPSS protiv trotskizma. M., 1975.
- Ivanov V. M. Bor'ba partii protiv antileninskikh techeniy i grupp v period stroitel'stva sotsializma (1921-1929 gg.) L., 1973.
- Kozer L. A. Funktsii sotsial'nogo konflikta. M., 2000
- KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov, konferentsiy, i plenumov TSK. 1898–1953. Izd. 7-ye. M., 1953.
- Krasnov A. V. TSKK–RKI v bor'be za sotsializm (1921–1934 gg.). Irkutsk, 1973.
- Kruzhinov V. M. Politicheskiye konflikty v pervoye desyatiletie sovetskoy vlasti (na materialakh Urala). Tyumen', 2000.
- Lyutov L. N. Partiya pravyyashchey byurokratii v nachale nupa. Provintsiya. (Simbirskaya gubernskaya organizatsiya RKP(b) v 1921-1923 gg.). Ul'yanovsk, 2004.
- Moskovskiy bol'shevik v bor'be s pravym i «levym» oportunizmom. 1921-1929 gg. M., 1969.
- Pavlyuchenkov S. A. «Orden mechenostsev»: Partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917-1929 gg. M., 2008.
- Pirani S. Russkaya revolyutsiya v otstuplenii. M., 2013.
- Reznik A. V. Oppozitsiya 1923 goda v RKP(b) po materialam Permi // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2011. № 2 (16). S. 109–119.
- RKP(b). S'yezd XIII-y. Moskva. 1924. Stenograficheskiy otchet. M., 1964.
- RKP(b): Vnutripartijnaya bor'ba v dvadtsatyey gody: Dokumenty i materialy. 1923. M., 2004.
- S'yezd 10-yy. RKP(b). Stenograficheskiy otchet. M., 1963.
- Shabalin V. V. «Skloka» kak sposob samoregulyatsii rayonnoy elity v 1920-ye gody // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2013. № 2 (22). S. 159–166.
- Shmelev A. I. Istoricheskiy opyt bor'by leninskoy partii protiv trotskizma za postroyeniye sotsializma v SSSR (1923-1927 gg.) L., 1984.
- Skorkin K. V. Obrecheny proigrat': vlast' i oppozitsiya, 1922-1934. M., 2011.
- Stenograficheskiy otchet Plenuma TSKK RKP(b) 28-30 marta 1924 g. M., 1924.
- Trinadtsataya konferentsiya Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Byulleten'. M., 1924.
- Vyatkin A. Ya. Razgrom Kommunisticheskoy partiyey trotskizma i drugikh antileninskikh grupp. Ch. 1. (noyabr' 1920-1925 gg.) L., 1966.